

О ШТЕЙНЕ В. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШТЕЙН Владимир Владимирович. Родился в 1889 в Сочи (дворянин). В 1905 — окончил реальное училище, учился на естественном отделении исторического факультета Московского университета. В 1907 — за революционную деятельность административно выслан в Сочи. С 1910 по 1916 — учился в Коммерческом институте, с 1916 — служил в Земском союзе городов. С декабря 1917 — проживал в Сочи, работал в разных учреждениях, с 1924 — ботаник на Сочинской опытной станции. 8 августа 1930 — арестован как «участник контрреволюционной анархо-мистической организации». 28 февраля 1931 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1960 — проживал в Подмосковье.

В феврале 1931 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена И. Штерн.

<Февраль 1931>

«В ночь на 8 августа 1930 года муж мой, Штейн Владимир Владимирович, был арестован в Сочи на опытной станции, 16-го августа без допроса, за исключением краткой автобиографической анкеты, отправлен в Новороссийск и заключен в подвале ОГПУ. В конце сентября был допрошен впервые, причем, ему инкриминировалось: 1) Участие в какой-то к.-р. организации (как выяснилось позже — тамплиеров); 2) Вредительство на службе, заключающиеся в постройке с вредительскими целями теплицы и отдаче распоряжений рабочим уничтожать ценные растения в ботаническом саду станции; 3) Интерес к каким-то "мобилизационным планам". Кроме того, были заданы мелкие вопросы о взаимоотношениях с сотрудниками станции, о том, имеются ли там какие-либо группировки. На все вопросы муж дал ответы, причем, указывал на явную нелепость обвинений, ибо не только не состоял ни в каких к.-р. организациях, но и не знал о их существовании, а вредительством никогда не занимался. При этом указывал на явную нелепость приводимых фактов вредительства. 26/IX муж был переведен в Новорос<сийский> Дом зак<лючения>, где пробыл до 23/X, когда снова был взят в ОГПУ. Здесь допрашивался по части биографии весьма подробно и давал соответствующие показания. Здесь, кроме объяснений об интересах мужа к мобилизационным планам следователь особенно интересовался: 1) "связью" с Дынгой, служившей короткое время на станции, с которой муж мой в жизни не сказал двух слов и знакомства не вел; 2) родственниками и знакомыми, имеющимися у мужа за границей; 3) деятельностью мужа при белых и знакомством в контрразведке, каковых у мужа также никогда не было.

На следующем допросе мужа спрашивали, не участвовал ли он в к.-р. организации тамплиеров.

В конце ноября муж опять был переведен в Дом зак<лючения>, причем, перед этим ему было предъявлено обвинительное заключение по делу 45 членов анархо-мистических группировок по ст<атье> 58 п<ункты> 10 и 11.

12 декабря мужа опять перевели в ОГПУ и на первом допросе предъявили уже новое обвинение по ст<атье> 58 п<ункты> 7 и 11. Участие в ТКП на основании показаний бывш<его> директора станции, который якобы вовлек мужа в число членов в феврале 1928 г<ода> и дал задание: 1) Преуменьшить ценность альпийских лугов в Сочинском

районе; 2) Дискредитировать ценность каштана, как дубителя. На что мой муж будто бы с готовностью согласился, по словам Кушнаренко. Между прочим (было сказано следователем), это вполне понятно, ибо мой муж, как бывший хозяин гостиницы "Светлана" — обижен советской властью, отобравшей у него столь ценное имущество ("Светлана" никогда не принадлежала мужу, а была собственностью гарибальдийца Франкштейн). От мужа требовалось согласие с показаниями Кушнаренко и соответствующее "раскаяние" в его якобы собственных выгодах и интересах. На следующем допросе 1/1-31 г<ода> от мужа в 10-ти минутный срок и в матовых тонах требовалось тоже признание.

В конце февраля мужа снова перевели в Дом зак<лючения>, где он пробыл до 26 марта, когда снова был взят на допрос в ОГПУ, где допрашивался в конце апреля с новыми аргументами. Какой-то агроном Носачев утверждал, что муж якобы участвовал в организационном заседании Сочинского бюро ТКП в феврале 1927 г<ода>. В начале мая муж был переведен в темный карцер в целях побуждения к сознанию. Пробыл муж в карцере до конца месяца, когда ему было предъявлено обвинительное заключение в виде утверждения следователя, что имеется достаточно оснований считать мужа участником к.-р. организации ТКП, и что факт его упорства только доказывает глубокую контрреволюционность мужа. На всех этих допросах муж ничего не мог сказать, кроме того, что показания Кушнаренко, а позже Носачева ложны; что муж никогда не участвовал ни в каких к.-р. организациях и не только не действовал против Советской власти, но и не помышлял никогда против нее зла. Почему никакие личные выгоды не могли заставить его принять на себя то, что он считает позорным для себя и его честного имени.

В заключении мужу было сказано, что его виновность и причастие к ТКП доказано, и он пойдет в общем деле со всеми из прочих специалистов, кстати сказать, из коих он никого не знал.

Первое дело, по моему разумению, результат недобросовестных и ложных доносов некоторых лиц, которым муж не угодил. Что же касается второго дела, непонятно пристрастие следователя, желавшего во что бы то ни стало доказать, что муж мой опасный контрреволюционер. Такое недиалектическое утверждение заставляет меня думать, что произнесший его человек способен принести в жертву самонадеянному принципу — честь, жизнь и здоровье другого.

Приговор объявлен мужу уже по трем пунктам 58-й ст<атьи> 4, 7 и 11. По первому делу ему приговора объявлено не было, хотя как-то вскользь следователь заявил, что он осужден на пять лет концлагеря.

И. Штейн»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 789. С. 222-223. Автограф.